

Как всё начиналось: Воспоминания немецких волонтеров и активистов о Санкт-Петербурге 1990-х

Как всё начиналось: Воспоминания немецких волонтеров и активистов о Санкт-Петербурге 1990-х.

Впервые брошюра была выпущена в 2013 году Немецко-Русским обменом в Санкт-Петербурге совместно с Центром изучения Германии и Европы (Санкт-Петербургский государственный Университет – Университет Билефельда) в рамках исследовательского направления «Гражданское общество в Европе и России».

Данная версия брошюры была напечатана в 2017 году при поддержке Фонда им. Генриха Белля.

Мнения, высказанные в брошюре, могут не совпадать с мнением Фонда им. Генриха Белля.

Руководитель проекта и редактор: Елена Белокруова.

Инициаторы проекта выражают благодарность всем участникам интервью, которые отнеслись к идее такого сборника с интересом и высокой долей ответственности, а также всем, кто участвовал в проведении, обработке, транскрибировании, переводе и редактировании интервью: Марии Скаттоне, Катерине Ивановой, Анастасии и Ксении Маргер, Саре Пагунг, Инго Тройновски, Свенье Мейер, Елене Деревянных, Елене Разумовской и Айгуль Сембаевой, а также другим волонтерам и сотрудникам Немецко-Русского обмена в Санкт-Петербурге.

Фотографии предоставлены участниками интервью.

Оформление и верстка: Дмитрий Бородулин.

Санкт-Петербург, 2017.

Оглавление

Русско-Немецкий обмен

и Центр развития некоммерческих организаций,

Санкт-Петербург:

Штефани Шиффер _____ 5

Франк Фабель _____ 7

Роза Хацкелевич _____ 9

Керстин Нихих _____ 11

«Перспективы», Санкт-Петербург – Берлин:

Маргарета фон дер Борх _____ 13

Мария Островская _____ 16

«Мемориал», Германия – Санкт-Петербург:

Уте Герланд _____ 19

Андрес Лундгрэн _____ 22

Перед Вами сборник интервью с немецкими российскими сотрудниками некоммерческих организаций и волонтерами, которые своей работой и инициативами очень повлияли на становление некоммерческого сектора в Санкт-Петербурге, особенно в 1990-е годы. Когда мы задумывали это небольшое исследование, мы хотели поговорить главным образом о волонтерстве с теми, кто этой темой уже давно занимается, кто сам прошел через волонтерство и работу с ними. Нашими собеседниками стали как немецкие сотрудники и волонтеры, так и российские основатели важнейших петербургских некоммерческих организаций, работающих с волонтерами как из России, так и из Германии, где волонтерство имеет уже довольно серьезные традиции. Тема эта стала в последний год особенно популярной в России: наконец, пришло то время, когда в обществе вызрели предпосылки для настоящего волонтерства, на что не могло не обратить на себя внимание и государство. Начались дискуссии между инициаторами нового законодательства о волонтерстве и его противниками из числа низовых волонтеров и некоммерческих организаций, которые пока не закончились. Поэтому обсуждение немецкого опыта показалось нам важным и заслуживающим внимания в рамках ежегодной, 10-й Недели Германии в Санкт-Петербурге, в апреле 2013 года.

Однако когда мы начали проводить интервью, мы поняли, что жизнь и российская политическая ситуация вносят свои коррективы. Сегодня, в начале 2013 года, Россия стремительно меняется. Это пока, возможно, внешне заметно не всем, эти изменения пока не видны постороннему зрителю. Но в общественном пространстве, в системах публичной коммуникации и даже в употребляемых нами словах и разделяемых смыслах и оценках ситуация меняется невероятно быстро. Ещё вчера возможные и вполне позитивно воспринимаемые инициативы, организации, примеры международного сотрудничества и интеграции России в мировое общественное пространство могут в одночасье перестать восприниматься как таковые. Их могут назвать вредными, противоречащими российским национальным традициям и ценностям, их организационные структуры могут вдруг быть названы «иностранными агентами» или просто перестать существовать. Отметив 20-летие своей успешной работы в кругу сторонников, коллег, друзей, благодарной публики или даже представителей власти и серьезных, профессиональных или просто счастливых гармоничных самореализовавшихся на благо общества людей, многие из этих организаций становятся объектами подозрений в экстремизме, нарушении правил противопожарной безопасности и манипуляций в бухгалтерии. Шерстятся их документы, материалы, библиотеки. Очень быстро пересматриваются ценности. Любые высказывания могут в одночасье стать «опасными для национальной безопасности России». Процесс переинтерпретации деятельности этих организаций настолько резок и стремителен, что, возможно, уже очень скоро в истории останутся только «иностранные агенты» и самоизолировавшиеся от международного сотрудничества социальные организации. Память о тех, кто всё это время самоотверженно работал, делал возможным выживание и развитие многих и многих людей в России, особенно в 1990-е годы кризисов и социальных сломов, может быть очень быстро затереться в политической дискуссии. В тот момент, который так ждали эти волонтеры и активисты, когда Россия окрепла и перестала нуждаться в их помощи, она оказалась не только неспособной на политическом уровне сказать «спасибо» тем, кто помогал ей, когда это было действительно нужно. Она начала политически отторгать от себя это, придумав для этого специальный лейбл «иностранных агентов». Это явление ещё ждет

своей рефлексии и политической оценки, которая наверняка будет ещё не раз пересмотрена.

Поэтому мы решили воспользоваться возможностью и из первых уст тех, кто вместе с другими активистами закладывал основу некоммерческого сектора в Санкт-Петербурге, услышать, кем были эти люди и организации из Германии, которые помогали, финансировали, обучали российских активистов и некоммерческие организации. Почему и зачем они приехали из более благополучной Германии в кризисную переломную Россию 1990-х годов, каждый по отдельности и все в целом, что и как они делали в Санкт-Петербурге, какие следы оставили и как оценивают сегодняшнюю Россию. Эти и другие вопросы мы задавали бывшим основателям и волонтерам Русско-Немецкого обмена в Санкт-Петербурге и отделившегося от него Центра развития некоммерческих организаций, петербургской организации «Перспективы» и «Мемориала». Это партнеры из Германии и созданные с участием немецких партнеров и волонтеров. Но они представляют собой наиболее яркие примеры этого сотрудничества. При этом в каждом из этих случаев наиболее важной оказалась частная инициатива граждан Германии, их желание помочь своими силами, временем, знаниями, деньгами. Во всех этих случаях вовсе не государственные или правительственные, и уж тем более не шпионские деньги и инициативы стали главным фактором. Число волонтеров и практикантов из Германии, работавших в социальной и общественной сфере только Петербурга с начала 1990-х годов, уже более тысячи. Финансирование, пришедшее из частных пожертвований граждан, никто посчитать уже не сможет. И в интервью даются ответы о мотивах и причинах, о движущих силах и динамике этих процессов и явлений.

Из интервью становится ясно, что все эти случаи некоммерческих организаций – примеры настоящих гражданских инициатив и поддержки. Конечно, в какой-то момент некоторые из их проектов были поддержаны фондами Европейского Союза, Германии или других стран, но их природа – гражданская, природа «народной дипломатии», волонтерская – от этого не исчезла, не стерлась. Организации просто получили свое признание, повзрослели, стали более профессиональными и ответственными. Начали получать и укреплять свое признание и авторитет эти организации и в обществе, и в политике.

Но странные политические нападки последних месяцев на связи активных некоммерческих организаций с иностранным финансированием могут очень негативно повлиять на их стабильность и имидж в обществе. И потому в данном сборнике мы даем возможность высказаться о своих мотивах, целях и точках зрения тех, кто с самого начала был инициаторами и активными участниками организации сотрудничества петербургских и немецких некоммерческих организаций. Нам хотелось бы, чтобы читатели могли сделать свои выводы о том, что двигало и до сих пор двигает этими людьми. И мы очень надеемся, что это приблизит нас всех в сторону взаимопонимания и более уважительного, благодарного и доброжелательного отношения друг к другу.

Елена Белокурова

Апрель 2013 года

Русско-Немецкий обмен и Центр развития некоммерческих организаций, Санкт-Петербург

Штефани Шиффер*

«То, что мы делали, было основано просто на человеческом разуме. Мы не были ни политологами, ни социологами, мы тогда не были экспертами».

Первый вопрос простой: как и почему Вы заинтересовались работой в России? Где учились, почему возник такой интерес?

Интерес к России возник в 1978 году. Тогда мне было 13 лет. У нас в школе была возможность учить русский язык. Это был редкий случай в Южной Германии в Баден-Вюртемберге. И учителя, которые преподавали русский язык, с моей перспективы тогда 13-летней девочки, были самые интересные учителя в школе, интересные личности. Мне очень хотелось у них учиться. Этот язык для нас швабов был очень экзотичным. Россия тогда была очень далека - из Швабии не только географически, но и политически. И изучение русского языка было возможностью познакомиться с чем-то очень непонятным, странным, необыкновенным. Я схватилась за это и с восторгом начала учить русский язык, и мне это удалось. В середине 1980-х годов в Западной Германии ещё была распространена эта ветка левого утопизма и вера в лучший социалистический строй со стороны левого движения. Для нас, молодых, это имело свой культурный штамп, но тогда я не была особенно политическим человеком. Мы протестовали против ядерного вооружения, как это делала вся молодежь в Западной Южной Германии.

Потом я решила учить в университете восточно-европейскую филологию и историю. Это не было связано с какими-то политическими убеждениями, гуманитарными идеями или семейными отношениями. Мне было просто интересно, интересна русская культура.

Потом случилось то, что случилось. Разрушился Советский Союз. А в университете мы занимались изучением Серебряного века, прозы Пушкина, Лермонтова. Мы учили

такие слова как «кинжал». Но однажды появилась возможность присоединиться к созданному Немецко-Русскому обмену и поехать работать с социальными движениями в России. Это было интересно, и я решила попробовать. В 1992 году я с коллегами поехала в Санкт-Петербург.

Это была волонтерская работа?

Нет. Мы получали зарплату, не очень большую. Но в 1992 году в России на них можно было хорошо жить. Мы начали работать. Нас было 4 человек. Франк работал с Мемориалом, Габриела с наркоманами, Биргит с онкобольными. Я работала с бездомными, поскольку уже раньше в Мюнхене работала с бездомными, у меня уже был опыт. Меня познакомили с Валерием Соколовым, основателем фонда «Ночлежка», с социологом Яковым Ильичем Гилинским. Надо сказать, что те социологи были друзья и помощники, и одновременно исследователи новорожденных социальных движений. Яков Ильич представил нам наших партнеров как «лучших из лучших», как он сказал. Это были наркоманы, бездомные, онкобольные и репрессированные люди. Это были наши партнеры. Мы были в восторге. Но мы друг друга вообще не понимали. Совсем. На нас так смотрели! Мы на них так смотрели! Что нам теперь делать?

Мы понимали, что в России в 1990-е годы возникли новые структуры и социальные организации, которые могли играть важную роль для решения социальных проблем и для возникновения открытого гражданского общества. С ними хотелось работать. Наша общая задача, очень общая, была в том, чтобы понять, что им нужно, кому помочь, как взаимоотношения наладить. Нам никто конкретно не сказал, потому что никто не мог, никто ничего не знал. То, что мы пришли именно в тот момент, когда рухнула империя, когда многие люди всё потеряли, мы поняли только со временем. Это была очень странная ситуация. В тот момент, когда там рухнуло все, мы работали с такими разными, зачастую уже тогда на краю стоящими, но очень сильными, впечатляющими личностями. Как мы работали? Мы сидели, смотрели, думали и придумывали.

Где Вы были? Вы приходили к Соколову, который организовывал «Ночлежку», и думали, как ему помочь?

Да. Потому что понятно, что реально было организовать помощь из Германии. У них тогда была ночлежка на Пушкинской, в подвале. Они раздали приватизационные ваучеры в 1990-е годы тем, кто был без прописки, а потом гуманитарную помощь. Они устроили пункт, избирательный участок для бездомных без прописки. Когда я увидела это, это было просто супер! В таких сложных условиях! Я очень была впечатлена. Эти молодые люди, они все были моложе меня, им было 22-23 года, и на такие маленькие средства они занимались такой жестокой проблемой как бездомность в России. И понимать, что что-то можно делать даже в самых сложных условиях, это было очень важно. Я и в Германии участвовала в политических движениях, но здесь это была какая-то просто часть обывательской жизни, это было жизненно важно и результативно. Они же имели успех! Это меня очень впечатлило. Это меня изменило, я убедилась в том, что изменения можно делать.

* Интервьюер: Мария Скаттоне. 13 марта 2013 года, Берлин.

А мы, что мы делали? Мы в кругу своих родственников, друзей, семей организовали сборы пожертвований. Насобирали. Скажем, 200 человек дали в год по 50 евро – и этого уже хватило на достаточно серьезный период, просто на работу. Потом пришло немецкое телевидение, и после показа их передачи телезрители пожертвовали свои средства для работы наших партнеров. Потом мы приглашали в Германию тех, кто работал в этой сфере – чтобы они увидели, как устроена работа с бездомными у нас. Потом мы умножали количество людей – приглашали волонтеров из Германии. То, что мы делали, было основано просто на человеческом разуме. Мы не были ни политологами, ни социологами, мы тогда не были экспертами.

Потом со временем уже мы начали разрабатывать более структурированные программы, писать гранты, заявки. Так началась то, что называется работа наиболее профессиональная – разработка, планирование проекта, бюджета. Мы учились вместе с русскими коллегам. Мы ничему научить не могли, мы учились вместе. Мы не приехали как эксперты. Я была просто сразу после университета.

Почему вы стали работать в Немецко-Русском обмене? Что Вы знали о нем?

Мало. О них было мало информации, он только что был создан. Коллеги, конечно, старались нас подготовить к поездке в Россию. О «третьем секторе» в России тогда вообще никто не знал, его фактически ещё не было. Это тогда было не модно, в политике. Это с годами изменилось. Мы были участниками глобального изменения, когда гражданское общество и «третий сектор» стали более весомыми как фактор политики. Но тогда, 20 лет назад, политика была, прежде всего, направлена на государство, а немецкая политика ещё и на немецкое меньшинство в России. Там были программы, деньги. Но работа с меньшинствами или с социальными, политическими группами – это было не так развито. Эта была, как часто говорят, пионерская работа.

Что это давало Вам – личный рост, деньги, любовь к приключениям?

Приключения? Я спокойный человек, я не искала приключений. Но было понятно, что они будут. Я не искала эту работу. У меня было знание русского языка, русской истории, и в свободное время я работала в Германии с бездомными. Поэтому когда Немецко-русский обмен искал человека, который имеет опыт работы с бездомными, владеет русским языком, который может поехать в Россию и этим заниматься, я подошла. Естественно, это был большой шанс, уникальный опыт. Я многому научилась.

Как Вас воспринимали как немку в 1990-х?

Очень хорошо. Очень открыто. С уважением. Наши первые контакты – это были активисты: Валерий Соколов, Роман Медведев, исследователи, такие как Яков Гилинский, Эдуард Фомин, Татьяна Герасимова, Виктор Воронков. Это были интересные люди, они с уважением смотрели, что мы делаем. И с удивлением. Тогда ещё не было так много немцев в России, и нас приглашали, интересовались. Мы попали в самые интересные круги петербургского общества.

В итоге, я жила в Петербурге с 1992 по 1995 год, работала тогда ещё в Немецко-Русском обмене. Сначала как руководитель проекта, потом как директор питерского отделения. Мы создали волонтерские программы. Потом мы работали с «Солдатскими матерями» и другими организациями. Мы были промежуточным звеном между общественными, правозащитными организациями и европейскими, немецкими партнерами и донорами. Мы

организовывали семинары, поездки, конференции, стажировки, приглашали экспертов, готовили заявки на гранты, помогали осуществить проекты, писали отчеты.

Кто финансировал эти программы?

Это был Европейский Союз, немецкие министерства, фонды самые разные. Мы были очень активные. Мы искали интересные организации в России, людей, движения, которые были заинтересованы в европейских партнерах и поддержке. Это было сначала в Петербурге, потом в Волгограде и других городах. Мы открыли филиалы НРО в Волгограде, Новосибирске, Перми.

Как Вам кажется, почему немцы жертвуют свои деньги на социальные проекты в России?

История – это большой мотив. Это очень сильно для нас всех. Это преступления, которые наши отцы и деды совершили в России, Белоруссии, Украине.

Вы думали об этом, когда начинали работать?

Тогда в 1990-е годы? Да. Мой дедушка был солдатом под Ленинградом. Это достаточно прямая связь. Я, конечно, не каждый день об этом думала, но я познакомилась с людьми, которые были детьми во время блокады. Мы об этом говорили, но всегда без упреков.. Очень хорошо все относилось к нам. Это для большей части моего поколения играет важную роль.

Что дала Вам работа в России? Как она повлияла на вашу дальнейшую жизнь?

Много. Я и сейчас работаю с Россией. У меня был перерыв, когда я отдыхала от России, ушла из Немецко-Русского обмена и работала больше с Белоруссией и с Украиной. Мои друзья тогда улыбались, когда я это говорила, какая разница между работой с Россией и с Украиной, или Белоруссией? Но естественно разница есть. Через Украину с Белоруссией для меня открылась другая перспектива на Восточную Европу и разные политические процессы, которые происходят в этих странах. Там сейчас очень интересно.

Более общий вопрос: как Вы думаете, почему немцы едут в Россию или в другие страны и работают волонтерами? Есть ли разница между волонтерами 1990-х и сейчас?

Это мне сложно сказать. У меня есть помощник Йохан, социолог по образованию. Он из Гамбурга, ему 23 года. Когда я читала его биографию, оказалось, что он делал практику три года назад в Санкт-Петербурге, в «Ночлежке». Это меня впечатлило. Один к одному, но на 20 лет позже. То есть, и сейчас едут люди работать. Ну а мотивация сейчас? Это большой вопрос, я не могу за него ответить. Знаете, общество изменилось, но что-то осталось - интерес к России, чувство вины, ответственность. Хотя возможно, что что-то в этом поколении изменилось.

Как Вы думаете, что нужно делать, чтобы волонтерство в России было престижным и развивалось?

Интересно. Я смотрю на своих коллег, на Йохана, который мало зарабатывает, а ночью ещё и бесплатно на автобусе ездит по местам, где бездомные. Я думаю, вопрос не в том насколько люди готовы к волонтерской работе меньше в материальном положении, а в том, чтобы люди понимали, что общество зависит от них, от их собственного поведения. Вы знаете, когда были выборы в России в 2011-2012 годах, мы работали с «Голосом», и там было очень много молодых людей, которые вдруг заинтересовались. Если люди понимают, что что-то от них зависит, хотя бы они голосовать или нет, пишут ли они свои сообщения на картах нарушения или нет, тогда люди идут. Думаю, что нет никаких национальных характеристик более активных или менее активных. Есть только понимание, что от тебя что-то зависит. Это самый большой мотив.

Как я сказала, в Германии мы тоже занимались политической деятельностью, ходили демонстрировать против ядерного вооружения. Мы это делали, потому что мы были убеждены. Но это были огромные, страшные даже угрозы, против которых мы демонстрировали. А идею о том, что что-то может конкретно на твоих глазах измениться, хоть маленькими шагами, я осознала впервые в России в «Ночлежке» в Санкт-Петербурге. Это немножко абсурдно. Я приехала из свободной демократической Германии в Россию, чтобы понять и видеть, что человек в обществе может что-то изменить. И с тех пор я этим занимаюсь, потому что я тогда поняла, что и от меня что-то зависит и что ситуация может измениться.

И как Вы оцениваете политическую и общественную ситуацию в России сейчас?

Россия заслужила лучшее. Россияне заслужили, чтобы их не обманывали, не крали их выборы, не крали их возможности участвовать. Обидно. Большой потенциал активности потеряется. Это грустно, естественно. Страна могла бы совершенно по-другому развиваться. А сейчас разворачивается все, люди разочарованы, потерянное время и шансы для многих. Но хорошо, что уровень жизни повысился, всё более-менее спокойно и без войны. Есть какие-то заслуги у этого режима, но могло быть всё значительно лучше.

Франк Фабель*

«У нас царил настоящая добровольческая атмосфера: мы брались за все, что только можно, что было интересно, это было прекрасно».

Почему Вы решили поехать в Санкт-Петербург впервые, когда это было?

Впервые в Петербург я приехал в 1992 году, это была туристическая поездка. Я уже закончил учебу, у меня появилось свободное время, я заработал деньги на поездку. И как раз в это время распался Советский Союз. Вообще-то это была случайность – на одной вечеринке в Берлине я познакомился с человеком, который вернулся из Москвы и с горящими глазами рассказывал о том, что там происходит. После этого разговора я решил: «Надо учить русский». Я прошел интенсивный курс, а потом пошло одно за другим. Вначале я исколесил Российскую Федерацию, а осенью познакомился с одними из создателей Немецко-Русского обмена в Берлине - Руди Пивко и Мартиной Мюллер. Они были одержимы идеей создания организации Русско-Немецкий обмен и открытия офиса в России.

Нашим стартовым капиталом были пожертвование госпожой Марион Денхофф, частные пожертвования людей. В это время увлечение Россией было огромно. Люди плакали, когда видели, с каким мужеством российский народ шел вперед, Запад испытывал к нему огромную симпатию. Люди с удовольствием жертвовали деньги, чтобы поддержать Россию в сложный период. Однажды к нам приехала съемочная группа ZDF и сняла фильм о благотворительной столовой для нуждающихся, о проекте по проблемам наркомании, о нашей работе с международным правозащитным обществом «Мемориал». После того, как этот фильм вышел в Германии, в организацию стали поступать потоки частных пожертвований телезрителей.

То есть, сначала были личные инициативы, а не какие-нибудь запланированные сверху мероприятия. Лев Копелев как-то назвал это «народной дипломатией», когда граждане одной страны добровольно помогают гражданам другой страны. На эти деньги РНО просуществовал год. На большее мы тогда не рассчитывали, хотя уже на тот момент у нас была уже своя идея, концепция того, что мы должны поддерживать организации, а не заниматься

* Интервьюер: Елена Белокурова. 28 февраля 2013 года, Санкт-Петербург. Перевод с немецкого: Анастасия Маргер.

гуманитарной помощью. „Мы не будем поставлять масло и рис“. То, что мы должны делать - это поддерживать определенные структуры, помогать обществу стать по-настоящему обществом, чтобы его члены лучше понимали, в чем может быть их роль. Наша концепция больше ориентировалась на обмен идеями.

Можно я приведу пример? Однажды к нам в офис на Невский проспект пришли двое слепых и спросили: «Не могли бы вы нам в чем-нибудь помочь?» Я ответил: «Нет, не можем. Мы не выдаем здесь никакой одежды или чего-то еще. Мы занимаемся обменом». Они очень расстроились, извинились и собрались уходить. Но я остановил их: «Постойте! Никто отсюда не уйдет, пока не сделают чего-нибудь для нас! Вернитесь, сядьте». «Что? Мы - для вас? Мы же ничего не можем!» Но я продолжал: «Подождите-подождите! Сейчас мы чего-нибудь придумаем. Давайте подумаем вместе. Может, Вы покажете свой город слепым из Германии?» В этот момент я почувствовал, что коллеги, стоявшие за моей спиной, просто оцепенели: «Боже, Франк совсем спятил! Как это? Слепые из Петербурга показывают слепым из Германии свой город!» Но один из слепых ответил: «Да, я бы с удовольствием. Я бы показал мартовский ветер с Финского залива и как пахнет в Эрмитаже!» И они загорелись этой идеей. «Теперь у нас только одна проблема: нас нет денег на Ваши билеты». «Посмотрим, что мы можем сделать», - сказали они и ушли. Они пришли через пять дней с билетами в Германию. «Как вам это удалось?» «Мы всегда слушаем радио, а там проводят розыгрыши призов. Мы всегда их выигрываем, потому что слушаем всё время и знаем как. Вот теперь и выиграла билеты в Германию». А уже спустя три месяца к нам в Петербург приехала делегация слепых из Германии, и всё это получилось из ничего. Между ними возник невероятно живой контакт, они показывали друг другу институты слепых и также новые способы общения - клавиатуру и дисплей Брайля. Летом после их приезда случилось несчастье: у сына одного из петербургских слепых началось «отслоение сетчатки». Отец сообщил об этом своим друзьям в Германии, которые собрали деньги и привезли мальчика в Германию на операцию. Сейчас мальчик видит.

И тогда все поняли, что из ничего может получиться все. И для этого не нужен супермозг или тайные агенты. Мы только начинали эту работу, но я думаю, что уже тогда госслужбы в Петербурге нашу деятельность понять не могли. Уже тогда некоторые говорили: «Они, наверное, агенты». Судя по их параноидным представлениям, гражданам одной страны не могли просто так помогать другим гражданам. По их мнению, здесь не обошлось без приказа. Наша организация действительно была свободной инициативой. Позже появились крупномасштабные европейские проекты, которые очень отличались от предыдущей работы. Теперь речь шла уже не о гражданах одной страны, помогающих гражданам другой. Здесь уже был целый конгломерат государств, собирающих налоги и финансирующих из этих налогов то, что должно служить общим интересам. Это уже совсем другие деньги и другой стиль работы.

Переломным моментом для нас стало дело Александра Никитина, капитана подводной лодки, которого арестовали из-за подозрения в государственной измене. Ему были предъявлены неслыханные обвинения. В нашем помещении, которое мы делили с общественной правозащитной организацией «Гражданский контроль», собралась группа поддержки Никитина. И вскоре, поскольку это было связано с армией и какими-то государственными интересами, мы заметили, что и мы попали под наблюдение.

У нас не было за спиной ни Siemens, ни Bosch, ни Mercedes, и тем более правительства Германии. Мы были в опасной ситуации. Поэтому мы решили всё радикально изменить: «Немецко-Русский обмен» будет отныне заниматься исключительно немецко-русским и студенческим обменами и ничем другим, а «Центр развития некоммерческих организаций» пусть работает с российскими НКО.

Потом я с товарищами основал аудиторскую фирму, стал работать по всей России, потом добавились другие страны, и на сегодня мы работаем в 45 странах мира.

А кем были другие немцы, которые приезжали в Петербург в 1990-е годы, кто они были?

Невероятно замечательные люди, и каждый из них со своей собственной мотивацией. У нас царила настоящая добровольческая атмосфера: мы брались за все, что только можно, что было интересно, это было прекрасно. Практиканты из Германии начали приезжать быстро, первый из них приехал, кажется, уже в 1994 году. Многие приходили к нам сами. Например, Астрид Шорн, которая потом основала «Уппсала-Цирк», прямо с поезда пришла к нам в офис и с порога заявила: «Привет! Могу ли я здесь что-нибудь сделать?» Я не знаю, сколько таких волонтеров и практикантов было - у берлинских коллег есть статистика, сайт бывших волонтеров. Но их было невероятно много, с гуманитарными, культурологическими, социальными и политическими интересами.

А как на вас как на немцев реагировали обычные российские люди?

Для немцев невероятным облегчением всегда является то, что в России люди различают немцев и виновных в войне фашистов. В других странах не так, там часто стригут всех под одну гребенку. И поэтому немцы ощущают это облегчение здесь. Я не уверен, знают ли русские об этом, но если они этого ещё не знают, то им надо обязательно сказать, что так и есть.

А если в целом, почему немцы так часто ездят за границу, и не только в Россию?

Конечно, это результат заинтересованности немецкой экономики в экспорте. Наша страна так живет. Возьмите, к примеру, деревню в Баварии. В воскресенье вечером на вокзале Вы увидите около 100 отцов семейств, уезжающих из деревни куда-нибудь, где можно продать запчастки, какое-нибудь ноу-хау или ещё что-нибудь.

А почему студенты и волонтеры едут за границу, на полгода или на целый год?

Мы должны что-то делать, мы не можем сидеть на месте, у нас ведь нет нефти, и деньги с неба не падают. По-другому никак. Экономика должна всё время искать рынки сбыта. Об этом знают и студенты, и у них есть рациональные основания для отъезда.

А можете ли Вы как-нибудь прокомментировать сегодняшнюю ситуацию в России?

Не знаю, как Вы, но я вообще нигде в мире не вижу положительного развития событий. Мы, люди, делаем многое категорически неверно. И здесь Германия и Россия несильно различаются. Сегодняшнее обращение с природой и её ресурсами может привести к катастрофе в любой стране. И если сравнить ту ерунду, которая творится в обеих странах, то мы, скорее всего, смягчимся и скажем: «Зачем показывать пальцем на какую-то страну? Везде так».

А что-то положительное так сразу в голову и не приходит... Дайте мне две-три минуты, тогда я точно что-нибудь найду. Да, нет худа без добра. Что прекрасного осталось в российских людях до сих пор, так это их невероятная сила «держать оборону» – уйти в лес и пережить все, кормясь рыбой, клюквой и картошкой. Это, безусловно, одна из самых сильных вещей в России, и это когда-нибудь точно пригодится. Немцы раньше тоже так умели, но разучились. Это умение всё стерпеть и выжить сегодня недооценивается. Но следующим поколениям это пригодится, и всё будет выглядеть совсем иначе.

Роза Хацкелевич*

«Они хотели строить демократию в России, хотели, чтобы Россия стала европейской страной, чтобы этот процесс шёл быстрее. Они думали, что своей деятельностью смогут помочь создать в России гражданское общество».

К Вам в нашем небольшом исследовании будут вопросы, прежде всего, о российской стороне, о том, как Вы воспринимали немецких волонтеров и сотрудников НКО в 1990-е годы и позже, как Вы оцениваете их влияние и достижения. Но для начала хотелось бы знать, как они появились в Санкт-Петербурге, как всё началось?

Я не могу уверенно сказать, когда появились первые волонтеры из Германии в Санкт-Петербурге. Но я могу рассказать, как появились первые немцы в моей некоммерческой жизни. В 1994 году в Питер приехали двое немцев из берлинской общественной организации, которая выиграла грант в рамках Демократической Программы ТАСИС для

реализации проекта по созданию в Санкт-Петербурге консультационного центра для некоммерческих организаций. Этот центр был создан впоследствии и назван Бюро информации и консультаций для НКО. Сокращенно БИКНО. Этим людей звали Михаэль, её Риф, и они приехали искать человека, который помог бы им реализовать этот проект в Санкт-Петербурге. Человек должен был удовлетворять нескольким требованиям: понимать, что такое некоммерческие организации, говорить по-английски и владеть компьютером. Мои устремления в то время были похожи: я хотела заниматься некоммерческой деятельностью и работать в зарубежном проекте. Меня предложили на эту должность несколько человек, уже работавших в некоммерческом секторе, и в результате я стала заниматься этим проектом.

Проект продолжался около двух лет, и был очень успешен. Успешен – это значит, что к нам приходили те, для кого создавалась организация, о нас знала широкая общественность, власть и СМИ. В это же время в Санкт-Петербурге успешно работал Русско-Немецкий обмен. Сначала они помогали работать крупным социальным организациям, такими как Ночлежка, Солдатские матери, Мемориал, Гражданский контроль, позже стали заниматься проектами, развивающими инфраструктуру для НКО. Помню, как делегация РНО приходила к нам во главе с Франком Фабелем и удивилась, что мы, работая в БИКНО вдвоем, умудрились сделать очень много. Я сказала тогда, что мы много успели именно потому, что нас мало – не нужно согласовывать каждый шаг, наши партнёры жили далеко в Берлине, нам никто не мешал спокойно работать.

Когда закончился проект, мы хотели продолжать. Демократическая программа ТАСИС предложила нам объединить ресурсы для общего проекта. В рамках уже нового проекта я стала менеджером в Русско-Немецком обмене, который тогда располагался на Малой Конюшенной. Всем управлял Франк Фабель – очень умный, политкорректный, красивый молодой человек. В офисе была хорошая атмосфера, приятные «европейские отношения», замечательные культурные правила. Но мы не очень долго проработали так, потому что довольно быстро решили разделить на российскую и немецкую организации. Российская должна была развивать третий сектор в городе и на северо-западе, в том числе и в партнерстве с РНО, а немцы, в основном, – международное сотрудничество и обмен. Мне предложили возглавить российскую часть.

Разделение было мучительным. Мы поделили помещения, мебель, людей, бюджет. Они выделили нам часть денег на год, а дальше мы должны были сами искать финансирование. Представляете? Самим кормить такой большой коллектив – 10 человек! Было мучительно (для меня) начинать жить самостоятельно – создавать новую организацию, менять название, вырабатывать стратегию, формулировать задачи. Новую организацию назвали Центр РНО (Центр развития некоммерческих организаций), чтобы сохранить аббревиатуру РНО (Русско-Немецкий обмен). И эта организация живёт до сих пор, чем я очень горжусь. И Немецко-Русский обмен живет, но им потом стало сложнее, потому что денег стало меньше, интерес к России был потерян.

Как Вам кажется, почему немцы тогда приезжали работать в Санкт-Петербург, кто были эти люди?

Они хотели строить демократию в России, хотели, чтобы Россия стала европейской страной, чтобы этот процесс шёл быстрее. Они думали, что своей деятельностью смогут помочь создать в России гражданское общество.

* Интервьюер: Елена Белокурова. 6 февраля 2013 года, Москва

Вообще, в те времена из многих стран приезжали представители НКО, крупных международных организаций и фондов с желанием делать совместные проекты: финны, шведы, голландцы, американцы, англичане, немцы.

А немецкие проекты и потом Ваши проекты кто финансировал в основном?

Крупные проекты финансировались программами Европейского Союза, USAID, фондами Сороса, Мотта, другими.

Немецкие коллеги говорили о том, что они также собирали частные пожертвования с немецких граждан.

Да. Они здорово их собирали на социальные проекты. В основном через церковь, на благотворительных мероприятиях, которые проводились специально для сбора средств для нуждающихся в России. Нас тогда учили, как собирать частные пожертвования. Сейчас эти знания пригорают, хотя мир страшно изменился с появлением социальных сетей. Собирать пожертвования стало намного проще.

Чему-то они Вас в своё время научили?

Я считаю, что западный опыт бесценен. Западные консультанты учили нас менеджменту в НКО, фандрайзингу, взаимодействию со СМИ, знакомили нас с этическими принципами деятельности НКО и многим другим важным вещам. Мы не были готовы тогда воспринимать все знания так, как хотелось бы нашим учителям, но эта целенаправленная работа заставляла нас думать в правильном направлении. Хотя мы и смеялись над некоторыми западными консультантами, говорили: «Ну вот, приехали нас учить. А что они про нас понимают?» Иногда действительно передаваемый опыт был не релевантен нашим условиям. Но потом я, например, поняла, что не это важно, а то, что ты начинаешь по-другому думать. Очень полезными оказались поездки за границу, хотя, конечно, это был прекрасный туризм за чужой счет. Но, повторюсь, ездить было божественно прекрасно. В поездках, помимо обучения, были визиты в действующие НКО. Мы видели, как они работают, с какими проблемами сталкиваются, как их решают. Видно было, что люди работают идейные, занимаются важной социальной деятельностью. Это всё производило впечатление, и люди начинали лучше понимать консультантов и тренеров. Потом появились собственные консультанты, они были гораздо интереснее, потому что приезжали разные люди, иногда очень средние, хотя приезжали гуру.

Насколько важна в целом для некоммерческого сектора была помощь западная – финансовая, образовательная, для возникновения организаций?

Можно смело сказать, что некоммерческий сектор в России тех времен существовал на западные деньги. Конечно, были чисто волонтерские организации, которые работали без денег, но все профессиональные организации, где люди работали фултайм, работали на западные деньги.

Но я не могу сказать, что деятельность западных фондов и НКО способствовала созданию организаций. Некоторые организации создавались в ходе проектов, но это, как правило, были неустойчивые конструкции и разрушались по окончании финансирования. Устойчивыми были организации, которые создавались вокруг какой-то проблемы мотивированными людьми.

Если вспомнить тех сотрудников и волонтеров, что это были за люди?

У меня самые теплые воспоминания о них. Желание работать в России они объясняли своеобразной любовью к стране, а также тем, что для них это был способ познания

мира и удовлетворения своего любопытства. С идеями помочь новой России они приезжали в страну, изучали ее, знакомились с людьми и делали что-то полезное. Это были совершенно прекрасные, симпатичные, приятные люди. С ними было комфортно. Они не были мрачными, находились в постоянном творческом поиске, придумывании чего-то веселого и интересного. И по работе, и вне работы. С ними было хорошо отдыхать, ездить за город, праздновать праздники, устраивать вечеринки, потому что они, в основном, люди со вкусом, с умениями – все хорошо танцуют, знают музыку, не ленивые, умеют устраивать сюрпризы, думать о других...

Сейчас в Москве (это то, что я знаю) развивается волонтерское движение. Быть волонтером стало модным, в самом лучшем смысле слова. Я наблюдаю этот тренд. Отражение деятельности волонтеров получает в социальных сетях. Создаются сообщества помощи тем или другим категориям людей, собираются средства или отдается время и силы на помощь. Например, в Москве есть НКО «Центр лечебной педагогики», который много лет работает с, так называемыми, особенными детьми. Как говорят сотрудники этой организации, раньше у них были только иностранцы-волонтеры, которые получали за работу в России небольшие средства от своих фондов. Сейчас картина другая. Большинство волонтеров – соотечественники, в основном, молодые люди, которые отдают часть своего свободного времени и за свою работу не получают денег.

Если снова вернуться в 1990-е годы, как россияне, которые работали, встречались с немцами, как они воспринимали их, думали ли они что это агенты, или враги? Были ли такие подозрения?

Конечно, были. Думали, где их интерес, зачем им это нужно? Трудно понять, что люди приезжают в другую, чуждую страну, учат язык, чтобы делать добрые дела, менять систему. Всегда есть какие-то подозрения. Хотя не у всех, но у некоторых людей они возникали. Но немцы рассказывали о себе, объясняли, зачем приехали. Думаю, что Россия для немцев важна ещё и из-за истории, им хотелось работать в России как стране, наиболее пострадавшей во время войны... Травма историческая, очень глубокая. Обо всём этом мы и думали, говорили и между собой, и с нашими немецкими коллегами.

Конечно, не всё и не всегда было так гладко и сладко в отношениях, как я говорю. Было и недопонимание, и конфликты – как всегда в мультинациональном коллективе, где есть культурные различия. Допустим, немцам нравилось держать окна свободными от штор, а нам – занавешивать, потому что нам не нравилось, когда на нас смотрят проходящие мимо люди, а им, наоборот, нравилось. Им нравилось в 9 утра проводить собрание, а нам страшно не нравилось. Нам не нравились очень длинные обсуждения всего и вся. Нам казалось, что можно решить некоторые вопросы за 5 мин. А это такая культура – длинно обсуждать, куда передвинуть, например, шкаф. Пока не разделились на две организации, мы находились в зависимом положении – наши мнения выслушивали, но последнее слово было не за нами. По поводу деятельности у нас не было больших трений. Когда разделились на две организации и стали работать как партнеры в нескольких проектах, то часто ругались – и по содержанию деятельности и по тому, сколько кому средств в проекте предназначается.

Как на Вас, на Вашу профессиональную жизнь в итоге повлиял этот опыт сотрудничества с немцами?

С тех пор я работаю в некоммерческой сфере.

Керстин Никих*

«Начало 1990-х было очень интересное время, после краха советской системы была идея создания чего-то отличного от Запада, с участием граждан».

Впервые я приехала в Россию после школы в 1990 году. Я выросла в Западной Германии, недалеко от Дюссельдорфа. Мой отец был учителем русского языка, очень любил Россию, и одновременно ненавидел. Он давал мне слушать Высоцкого, и это было очень интересно, это была совсем экзотика, никто ничего не знал о России. И уже в конце 1980-х годов он дважды брал меня вместе со своими школьниками в Москву, Сочи. А после школы я решила поехать учиться русскому языку, потому что это к тому же было переходное время. Сначала в Институте иностранных языков им. Пушкина, а потом в МГУ я изучала русский язык.

В это время, в 1991 году, произошел путч. Я была в Москве, на Лубянской площади. Мы видели, как сваливают памятник Дзержинскому. Там была атмосфера совершенного энтузиазма. Я помню, что мы и все там танцевали, думали, что начнется демократия, свобода. После этого года я влюбилась в Россию, и пошла изучать русский язык дальше в Университет Кёльна. Во время учёбы, уже в 1995 году, я поехала в Санкт-Петербург на стажировку в Немецко-Русском обмене. Для меня было очень интересно, потому что я мало знала о гражданском обществе в России.

Чем тогда занимался Немецко-Русский обмен и Вы в нём?

В целом это можно назвать поддержкой российских негосударственных организаций через обучение сотрудников, обмен. Социальные работники, журналисты, волонтеры, школьники из Германии приезжали в Россию, российские ездили в Германию. Немецко-Русский обмен также помогал фондам в Германии поддерживать российские организации. Он распространял объявления о конкурсах, помогал писать заявки.

Как эти организации и люди относились к немцам, которые что-то такое делали?

По-разному. Конечно, кто-то был благодарен за поддержку, кому-то это было непонятно. Действительно, спрашивали часто, почему мы, я это делаю. Особенно, когда приезжали волонтеры, было непонятно. Я тоже была волонтером, работала без денег. В России волонтерства как концепции не было. Люди помнили только добровольцев в советское время, которые участвовали в субботниках. Но со временем наши партнеры поняли, что мы и правда приехали помогать. Но кто-то наверное думал, что мы пришли с неизвестными целями, что мы агенты, хотим что-то узнать. Было интересно, что в России к нам иногда относились с таким подозрением.

Как Вы думаете, почему в Германии принято ездить в разные страны помогать, что-то делать?

Ну, во-первых, потому что в Германии есть достаточно много людей, которые могут себе это позволить, у которых есть средства на это. Дети из неблагополучных семей обычно не могут позволить себе этого делать. Во-вторых, конечно, личный опыт. Все говорят, что надо проходить практики, иметь опыт работы за границей, знать иностранный язык, чтобы потом найти работу. В-третьих, наверное просто желание помочь. По-моему, это есть у всех молодых людей, всегда. Им хочется найти своё место в обществе и делать добро.

То есть, программы поддержки волонтерства не очень важны?

По-моему, они развились только в последние годы. Раньше этого меньше было, были только стипендии для обучения. Или я не знала о таких программах. Но сейчас стало понятно, что это действительно хорошее дело и что надо поддерживать волонтерство разными программами.

Как Вам кажется, сегодняшние волонтеры отличаются от вас тогда, в 1990-е?

В принципе, не очень. Может быть, сейчас больше молодых людей, у которых мало денег, могут себе позволить поехать. Но честно говоря, я уже чувствую себя немножко другим поколением и не знаю, что сейчас двигает молодыми людьми. Может, они менее идеалистические, но хотят осуществить какой-то проект. Также это хороший способ познакомиться со страной, с людьми не как турист, а глубже.

* Интервьюер: Елена Белокурова. 30 января 2013 года, Берлин.

Среди других стран в 1990-е годы Россия была более интересна для немецких волонтеров, чем другие страны?

Для меня да, потому что для меня это был поиск моего отца, того, что он нашёл здесь. Но когда уже была в России, нашла и свое. Начало 1990-х было очень интересное время, после краха советской системы была идея создания чего-то отличного от Запада, с участием граждан. И люди были очень интересные, я нашла близких мне людей, которые ищут смысл жизни. Люди были ближе друг другу, чем на Западе.

Как это потом повлияло на Вашу жизнь?

В профессиональном смысле очень конкретно. После окончания университета, в 1999 году я начала работать в Немецко-Русском обмене в Петербурге как руководитель. В то время я даже думала о том, чтобы совсем остаться жить в Питере, потому что мне там очень нравилось. Санкт-Петербург как город тоже очень нравился. Но через два года я всё-таки передумала. Я поняла, что наверное это были мечты, которые были связаны с моей свободой. Всегда, когда человек не дома, а где-то еще, его жизнь более интересна. Но когда я смотрела на жизнь там, чтобы там жить совсем, я поняла, что не хочу. Жизнь слишком тяжёлая, жёсткая, иногда даже жестокая.

Но с тех пор, будучи уже в Берлине, Вы все-таки многое делаете для российских НКО?

С 2001 года я решила, что хочу заниматься документальным кино. Я сняла несколько фильмов о России. Кроме того, здесь, в Берлине, вместе с друзьями мы создали партнёрскую организацию для Упсала-Цирка в Санкт-Петербурге. Мы им помогаем, но для меня это уже просто хобби. Сейчас редко езжу в Россию. В последние годы я очень разочаровалась, потому что развитие уходит от демократии в сторону Путина, ФСБ. Я рада, конечно, что есть слой населения, который до сих пор думает, как помочь в обществе развивать демократию. Но есть очень большой слой населения, который сейчас, по-моему, думает больше о том, как наслаждаться новыми богатствами. Конечно, такие люди у нас тоже есть, но в России они виднее, для них это что-то новое. Здесь есть структуры гражданского общества, а там ещё мало, и потому мало контроля над властью.

Почему в Германии обычные люди делают пожертвования для НКО в России – для Немецко-Русского обмена, или для Упсала-Цирка, например?

В Германии много людей, которые интересуются Россией, относятся к ней с симпатией. Наверное, они дают деньги для того, чтобы был обмен между Германией и Россией. И долгое время считалось, что Россия бедная, что сейчас неправда. Просто государство не очень заботится о социальных целях, о детях Упсала-Цирка, например, о бедных детях.

Каким образом Вы искали людей, которые давали пожертвования?

В случае Упсала-Цирка это само собой происходило и происходит. Когда он приезжает на гастроли, зрители часто жертвуют. И мы ищем через наши личные контакты. Иногда делаем рекламные акции по сбору средств. Например, в Дюссельдорфе, плакаты вешали в городе, делали видеоклип.

А были ли у Вас какие-то немецкие гранты или фонды, которые финансировали Вашу работу в Обмене?

Да, были частные, маленькие фонды, были гранты на волонтерские проекты из Европейского Союза.

Вопрос более общий, который сейчас обсуждается в России - как можно в России можно способствовать развитию волонтерской работы?

Конечно, волонтерство в основном развито среди тех, у кого есть свободное время. Я думаю, уже есть много волонтерской работы, но она выражена в другой форме: что соседи помогают друг другу, члены семьи, на работе и в школе. И программы должны больше ориентироваться на людей. Я думаю, что пожилые люди в России с удовольствием бы делали что-нибудь, например, помогали бы семьям с маленькими детьми или ещё что-то. У нас, например, есть такие центры, которые помогают улучшить соседскую жизнь. Они организуют такие встречи в кафе, куда вместе приходят бабушки и семьи с детьми, где они знакомятся, вместе играют. И это несложно, близко и естественно. Нужно больше таких предложений в соседских сообществах.

В целом, в чем различие России 1990-х и сегодня, по-вашему?

В начале 1990-х был такой подъем в сторону демократии, и уже в середине 1990-х последовало разочарование. И в России, и в Западе. Важным фактором была Югославская война. Я была тогда в России, где многие говорили: «Ага, Запад говорит всё время о правах человека, а на самом деле бомбит Югославию».

Сейчас, в последние 12-13 лет, жизнь в России более организована, стабильна, но развивается в сторону авторитарного режима. Власть не работает в пользу граждан. Многие радуются, что они лично стали богаче, и это действительно так. Но сами пока не очень готовы что-то делать для общества и своей страны.

«Перспективы», Санкт-Петербург – Берлин

Маргарете фон дер Борх*

«Нами двигало то, что в России работают люди, которые делают потрясающие вещи, которым нужна наша поддержка и обмен, и что мы тоже очень выигрываем от этого, сопереживая и помогая им в этом деле».

Как Вы в первый раз приехали в Россию, почему связали свою жизнь с ней?

В 1987 году я начала учить русский язык. Это было самое начало периода Горбачева, когда в Германии появился большой интерес к России. До этого в Университете Берлина в год изучало русский язык человек 20, в 1987 году было примерно 50, а через год уже почти 100. На волне этого интереса я была просто очарована этим языком, и уже в 1990 году я была в Москве, сначала училась, а потом 7 месяцев работала. После этого я постоянно туда ездила, потому что нашла там друзей и была абсолютно очарована страной. Как-то мои друзья в Германии дали мне прочитать статью в одной немецкой газете о проекте по работе с беспризорными детьми в Петербурге «Синяя Ворона». И когда мы с этими друзьями поехали в Петербург праздновать Новый 1991-1992 год, мы решили познакомиться с теми людьми, которые организовали этот проект. Мы их нашли и были в таком восторге, что решили им помочь. На это они сказали нам: «Конечно, нам нужны деньги и материальная помощь, но ещё нас очень интересует обмен опытом с немецкими коллегами. У вас же тоже есть бездомные дети и подростки, которые живут на улице. И может быть, мы сейчас тут изобретаем велосипед заново?» После этого мы с моей семьёй и друзьями, абсолютно наивно, создали общественную организацию, что в Германии очень легко. Один из друзей был социальным работником, другая – эрготерапевтом, я изучала в университете славистику и восточноевропейские исследования. Это была наша профессиональная компетентность,

с которой мы начали работать. Мы не планировали ничего, и никогда бы не подумали, что наша организация будет существовать и через 20 лет. И тогда, и всегда нами двигало то, что в России работают люди, которые делают потрясающие вещи, которым нужна наша поддержка и обмен, и что мы тоже очень выигрываем от этого, сопереживая и помогая им в этом деле.

И потом Вы с этой поддержкой поехали в Санкт-Петербург надолго?

Я ещё во время учебы была много раз в Петербурге, и после того как провела там год с 1994 по 1995, написала свою магистерскую работу об уличных детях. После окончания учебы, в 1997 году, я снова туда поехала «на годик». Я хотела передать всё кому-нибудь, но ничего не вышло, потому что я хотела дальше всё делать сама. В итоге, я прожила в Петербурге до 2004 года. Так получилось, что мы обратили внимание на другую проблему – на ситуацию детей-инвалидов. Через одного из детей мы попали в дом для детей-инвалидов в Павловске и увидели, что ситуация там просто ужасна. Мы хотели что-то делать и понимали, что прежде всего им не хватает людей, «дополнительных рук», людей, которые берут детей из кроваток, дают им тепло и внимание. Это начинание возникло просто из ситуации. К тому моменту мы уже были немецко-русской командой, и в 1995 году мы начали работать с детьми-инвалидами. Это действительно очень взволновало и меня, и других немецких коллег, которые работали в России. В России мы видели страну, которая нас очаровала и в которой мы хотели работать. Мы не думали, что «в Германии всё прекрасно и поэтому мы должны помочь России, где много проблем». Меня часто об этом спрашивали, особенно в России: «А что, у вас что в Германии нет своих проблем, не нужно ли вам о них заботиться?» Конечно, тут тоже есть огромное количество проблем, и я тоже думаю об этом, что я могу делать с ними, особенно с тех пор как я снова здесь живу.

В нашей берлинской организации я одна постоянно жила в Петербурге. Но у нас были и до сих пор есть волонтеры (Friedensdienstleistende), которые приезжают на год, эксперты, которые постоянно приезжают, чтобы обменяться опытом с российскими коллегами, провести семинар или обсудить конкретный случай. Мы также приглашаем российских коллег в Германию. Это постоянный живой обмен.

А когда Вы основали российскую организацию «Перспективы»?

Сначала мы работали вместе с российской организацией «Центр инноваций», но позже создали свою российскую организацию, специально для работы с детьми-инвалидами. В начале в ней было три иностранца: я, ещё один немец и одна англичанка. Немец, к сожалению, умер, англичанка ушла из организации после того как в 2006 году вышел странный закон о том, что иностранцы могут быть членами российских организаций только если они легально проживают на территории Российской Федерации. Тогда осталась в организации только я, но у нас много связей и контактов с Германией, Швейцарией, Англией, другими странами.

* Интервьюер: Елена Белокурова. 28 января 2013 года, Берлин. Перевод с немецкого: Мария Скаттоне.

А как на Вас как немцев реагировали российские граждане и организации, Детский дом в Павловске?

Когда я сейчас об этом думаю, очень удивляюсь, как нам повезло тогда встретить главврача, которой мы понравились, и которая очень хотела исправить ситуацию, в том числе с нашей помощью. Когда мы начали работать в детском доме в 1995 году, было непростое время, и она взяла на себя ответственность пустить нас в государственное учреждение. Это было очень мужественно с её стороны. Мы, конечно, тогда не знали, что будем так расти, нас было 2-3 человека. Но когда мы вместе увидели, что нужны «дополнительные руки», мы стали приглашать волонтеров, организовали курсы по уходу. Нас не воспринимали как организацию, а как конкретных людей, которые помогают. И постепенно из этого развилась организация.

Я лично только намного позже узнала, что российские коллеги или обычные люди спрашивали, что за этим скрывается. Оказалось, что многие не верили, что мы просто хотим помочь детям. Только когда прошло много времени, и стало ясно, что мы не занимаемся грязными делами, сомнения ушли, и во мне стали видеть партнера. Но сама я в то время этого не осознавала, я была очень наивна. Но я могу хорошо понять другие сомнения людей, которые думали, что мои социально-романтические настроения скоро пройдут, и я исчезну. Но я не исчезла и тогда, когда стало очень тяжело. Но эти опасения я могу понять, в отличие от того, что нами двигают какие-то мрачные мотивы.

А думал ли кто-то, что Вы шпионка?

Я думаю, да, подозрения были. Но это было скорее со стороны государства, чем людей или общественных организаций. Хотя, возможно, я в списках каких-нибудь спецслужб, российских или немецких, потому что постоянно езжу в Петербург. Мне как-то кто-то об этом сказал, и это на меня произвело сильное впечатление, потому что мне это никогда не приходило в голову.

А как Вы собирали деньги для вашей деятельности в России? Это было в Германии?

Да, мы начали собирать деньги в 1992 году в Германии. Российские партнеры мечтали о мини-автобусе, на котором они могли перевозить детей, продукты и т.д. Мы написали письмо о нашей организации, о проекте в Петербурге, об автобусе, и отправили его всем нашим друзьям и знакомым. В ответ нам прислали невероятно много пожертвований: одна женщина, подруга друзей, прислала 15000 марок. Мы купили автобус, передали его в Петербург с одеждой, с гигиеническими средствами, вещами, которые им были нужны. Это было начало. Потом мы рассылали такие письма примерно два раза в год, рассказывали, как развивается проект и просили пожертвования на конкретные дела.

Мы всегда думали, что собирать деньги в Германии будем до тех пор, когда можно будет найти их в России. Сейчас с этим лучше, но пока мы ещё что-то собираем в Германии, хотя представление о невероятно богатых людях в России создает проблему для поиска средств в Германии. Люди говорят: «Если богатые русские постоянно отдыхают в Санкт-Моритце, почему мы должны помочь их детям?» Отношение к России изменилось по сравнению с 1990-ми годами, когда в Германии все были готовы помогать. Это было связано ещё и с тем, что в Германии у очень многих людей особое отношение к России, и что российско-немецкая история особенная. Я думаю, для немцев большую роль играет чувство примирения, хотя мне например никто ни разу не сказал в Петербурге (что я могла бы понять): «Вы немка, и, пожалуйста, не вмешивайтесь. Вы здесь наделали такие ужасные вещи». Такого ни разу не было, и в основном к немцам позитивное настроение.

А получали Вы какую-нибудь поддержку от правительства Германии?

Нет, ни пфеннига. У нас были только частные средства. Мы даже не пытались попасть в какую-то программу. Позже, немецкая и российская организация совместно подали заявку в Европейский Союз, но государственных немецких денег у нас никогда не было. Но у нас всегда были хорошие отношения с немецким генеральным консульством в Петербурге. Когда мы создали российскую организацию, мы поняли, что можно собирать деньги и в России, и в 2000 году мы впервые организовали небольшой благотворительный концерт. Это было сделано при поддержке Консульства Германии, что было очень полезно, потому что престиж консульства помогал заинтересовать российских гостей в наших мероприятиях по сбору пожертвований.

С российским государством мы тоже очень долго не налаживали контакт. Мы хотели заниматься своим маленьким делом, помогать конкретным людям. Тогда нам не приходило в голову, что нужны структурные изменения. Но сейчас российская организация этим занимается. Немецкие эксперты могут предложить идеи, а уже российские делать решать, какие изменения нужны. У нас сложилось такое распределение ролей: российские эксперты думают, что нужно менять, а немцы могут их поддержать или что-то посоветовать. И это самое интересное в любом партнерстве: кто-то приходит со стороны и смотрит на вещи по-другому и может предложить новое видение и хорошие идеи. Хотя идеи могут быть и абсолютно неверными, и это могут оценить только местные специалисты.

Много ли было ещё иностранцев в Петербурге тогда, в 1990-е годы?

Да, были и есть. И я предполагаю, что особенно много было немцев – наверное, на почве этого эмоционального интереса друг к другу. Но были также и англичане, я помню одного, он даже открывал детские дома. Ну и конечно же есть многие, кого я не знаю.

Думаю, 1990-е годы были таким временем, когда всё менялось, переворачивалось, люди чувствовали это, многие хотели что-то создать. Это был шанс, и в то же время хаос. Людям, для которых важнее всего надежность, было тяжело. Но для тех, кто хотел создать что-то новое и кому надежность была не так важна, это было классное время. Конечно, где-то совершались грязные дела. Но люди с хорошей энергией могли многое сделать. Государство было, вероятно, занято само собой и не интересовалось, что делают неправительственные организации и частные лица. Сейчас всё иначе, сейчас бюрократия часто препятствует попыткам что-то построить или попробовать, много недоверия. В России сейчас, по-моему, неправительственной организации вменяется на презумпция невиновности, а презумпция виновности: неправительственной организации приходится постоянно доказывать, что она не делает ничего плохого. В Германии, например, наоборот: все исходит из того, что неправительственная организация делает что-то хорошее, и подозрения появляются только если есть повод.

Как лично Вас изменила эта история?

Сейчас из-за своей семьи я в основном живу в Берлине. Но за то время, что я провела в Петербурге, я бесконечно многому научилась, получила много полезного опыта. Я и сейчас работаю для организации, хотя больше с немецкой стороны. Я думаю, что я, как и каждый, кто может работать какое-то время за границей, выиграла, потому что научилась смотреть за пределы своего горизонта, видеть, как все можем работать по-другому.

А еще, Вы знаете, в социальной сфере в России работают очень интересные люди, особенно в области работы с инвалидами, они работают из-за своих убеждений. Эта работа не очень престижна, там не зарабатывают много денег, и мотивация основана на её содержании. И у нас в организации очень много симпатичных и интересных людей.

Еще я думаю, что Россия – это не та страна, о которой можно сказать: «Здесь так мило, мне нравится». Её или любят, или ненавидят. Поэтому люди, которые долго живут в России, там не случайно, для этого Россия слишком «экстремальна». Здесь нужна любовь к стране, которая туда тянет. Так было у меня, так это и остается.

Вы сказали, что немцы думают, что у них всё правильно. Но при этом они часто немцы едут работать куда-то за границу. В чем тут дело?

Хороший вопрос. Один член в нашей организации всё время говорит, что после нашей страшной немецкой истории с нацистским режим и эвтаназией в отношении людей-инвалидов мы должны очень осторожно оценивать других. Но после войны нам очень помогли. И если у нас есть шанс помочь другим, то мы рады это делать, потому что знаем, как была важна такая помощь для нас.

А почему немцы с таким удовольствием едут в другие страны... Я лично была воспитана в традиции протестантизма с идеей, что если у меня всё хорошо, я должна пытаться отдать часть этого, поделиться с другими. Я думаю, многие немцы хотят способствовать чему-то, чтобы что-то стало лучше, поделиться тем, что у них есть. Но я очень

чувствительно реагирую на поведение немцев, которые всё лучше всех знают и хотят кого-то насильно осчастливить. Это ужасно.

Но я вижу волонтеров, которые к нам приходят, они очень мотивированы тем, чтобы что-то дать детям-инвалидам. Большинству наших волонтеров 19-20 лет, они сразу после школы, и я, вспоминая свое время, верю, что они чувствуют: «Я хочу очень много дать». Потом они говорят, что очень много также получили для себя. Эти отношения не односторонние, а взаимные. Я думаю, что основная мотивация волонтеров – помочь людям, которым плохо – не изменилась до сих пор. Я верю, что как тогда, так и сейчас это и есть элита – особенные люди, открытые, желающие что-то пережить, понять и одновременно помочь другим.

Кроме того, в 1990-е годы многие молодые люди проходили альтернативную службу вместо Бундесвера в сфере социальной работы за границей, что было возможно и почетно. Также в Германии есть закон о добровольном социальном годе, который могут провести в Германии и за границей девушки и молодые люди в качестве волонтеров. И это также очень уважается в обществе. И я считаю, что каждый человек должен после школы пройти какую-нибудь волонтерскую службу, потому что это очень полезно и важно пережить для будущего. В какой-то момент интерес к России в Германии начал спадать, волонтеры больше ездят в Бразилию или Африку или ещё куда. Но пока что есть и те, кто интересуется Россией.

И я очень уважаю русских волонтеров! Я очень поздно поняла эту разницу между Германией и Россией: в России добровольная работа не только не престижна, но часто даже видится негативно. Российские волонтеры часть слышат от своих друзей и семьи: «Что это? Ты же целый год теряешь!» Но волонтеры всё равно работают, и за это я их очень уважаю. Для общества очень важно, чтобы волонтерство уважалось, и надеюсь, что так будет и в России.

Как в целом Вы видите ситуацию в России сейчас?

В последние месяцы я по личным причинам мало следила за ситуацией в России, но считаю, что абсурдный закон об иностранных агентах ведет в абсолютно неправильное направление. Я верю в то, что нужно как можно больше иметь неправительственных организаций и поощрять граждан быть активным и брать на себя ответственность. В российской политике, однако, как мне кажется, гражданам внушается: «сиди тихо, ничего не делай, тогда мы оставим тебя в покое». Социальная активность или критическая позиция никак не поощряются, и это очень нехорошая тенденция, которая нарастает. Я лично радовалась, когда так много людей вышло на улицы протестовать против «Закона Димы Яковлева», потому что раньше никто не интересовался детскими домами, жизнью детей-инвалидов. И потому очень важен любой обмен – информацией, опытом, перспективами, что и происходит в обменах волонтерами между Россией и Германией.

Мария Островская*

«Я не уверена, что я вообще приняла бы на себя ответственность за то, что происходит с нашими нуждающимися в помощи гражданами, если бы не немецкое влияние».

Началось всё с того, что я познакомилась с немецкими ребятами, которые сюда брошены были десантом. Это был первый Русско-немецкий обмен. Это тогда даже не была организация, а несколько молодых людей, в джинсах с рюкзаками, которых десантом сбросили в перестроечный Петербург, чтобы они как-то кому-то помогли в социальной сфере. Они были очень смешные, говорили по-русски немножко или хорошо. Они пытались в чём-то сориентироваться. Сначала они стали по совершенно неформальным каналам выходить на социально активных людей, на группы самопомощи. Я с ними познакомилась в связи с тем, что была секретарём правления организации «Новые паломники». Это была православная организация, состоящая из бывших наркоманов и помогающая наркоманам. Хотя я сама не принадлежала к этой группе, но у меня был крёстный, бывший наркоман, который меня втянул помогать, поскольку я психолог.

В начале ребятам в Русско-немецком обмене было достаточно трудно сориентироваться. Это был Франк Фабель, Штефани Шиффер, много разных забавных личностей. Когда они учредили организацию, я помогала им как организационный консультант и психолог, при формировании стратегии организации, команды. В Германии был Руди Пивко, сейчас организационный консультант в Берлине, Мария Маргинтер, которая работала в международной

организации в области образования. Она познакомила меня с Маргаретой фон дер Борх, которой нужна была консалтинговая помощь. У нее был маленький проект, на тот момент 5-6 человек, которые что-то пытались делать в павловском интернате. В бушующем океане детского несчастья они пытались какой-то части детей немножко помочь в отдельных группах. Они как-то с ними играли, уделяли им индивидуальное внимание, занимались адаптивной и лечебной физкультурой, водили их гулять. Я начала работать с этой группой как консультант, потому что они работали внутри государственной системы, государственного учреждения. Там всё время возникали напряжения и конфликты, они всё время были на грани того, что система их отвергнет. И Маргарета меня в какой-то момент попросила помочь руководить этим проектом, чтобы снизить риски, предпринять организационные меры, стабилизировать ситуацию. Это был просто проект, и я согласилась поработать на полставки. С тех пор прошло четырнадцать лет.

Задержались...

Да, я задержалась. Как это было? В 1990-е годы никто не имел ни малейшего представления о том, что такое гражданское общество. Были весьма смутные представления о том, что такое волонтеры, да и в целом некоммерческая социальная организация, третий сектор. В нем были такие единичные организации как «Мемориал», например. А большинство составляли неформальные группы самопомощи типа «Новых паломников». Немецкое влияние на тот момент было большое, потому что приезжали консультанты и тренеры, которые обучали людей, привносили проектную культуру. Конечно, было много и неформальных операций с деньгами, которые постепенно легализовались. Если говорить о моём опыте с Маргаретой фон дер Борх, то вначале это тоже был проект организации «Перспективы» (или *Perspektiven e.v.*), которую Маргарета учредила в Берлине. Увидев, что происходит в российских интернатах, она собрала своих друзей в Берлине, которые учредили организацию и стали привозить сюда немецких волонтеров, собирать средства. Потом, в 1999 году мы зарегистрировали и российскую общественно-благотворительную организацию «Перспективы». На тот момент в ней было 7 человек, а сейчас уже больше 100 сотрудников, а также ежегодно около 40 немецких волонтеров, проходящих добровольный социальный год, и множество российских волонтеров, работающих время от времени, по 2 часа в неделю.

«Перспективы» - не единственный случай организации, которая была основана с помощью немцев. Маргарета первые десять лет жила в России, она глубоко вросла в российскую культуру, но в то же время привнесла свое немецкое представление. С точки зрения немецких коллег она выглядела уже странно, поскольку ям на дороге не объезжала, больше чем за две недели не планировала. С российской точки зрения, наоборот, она много немецкого привнесла - осознанность действий, качество планирования, упорядоченное и уважительное общение. Оно отличается от российского, которое очень душевное, но не обязательно внимательное и упорядоченное.

А сейчас есть немецкое влияние?

Да. Сейчас оно тоже есть, потому что мы опираемся на немецкий опыт и в организационной сфере помощи инвалидам, и в законодательном регулировании деятельности. Я не считаю, что нужно переносить этот опыт на российскую почву механически, но нам очень полезно знать о нем. Это расширяет наши возможности, которые даже в голову не пришли бы без этого. Кроме того, мы приглашаем экспертов по работе с людьми с инвалидностью,

* Интервьюер: Катерина Иванова. 12 марта 2013 года, Санкт-Петербург.

которые обучают сотрудников нашей организации, других НКО, государственных учреждений. У нас есть партнёры, которые много лет приезжают по 2-3 раза в год. Они уже понимают российские условия и стараются свой профессиональный опыт нам передать.

Сначала были трудности, а теперь всё налажено?

И сейчас трудностей полно, я бы не сказала, что их стало меньше. Объём и масштаб задач изменился, и трудности стали другими. Раньше мы жили параллельной жизнью с государством, которому никакого дела до инвалидов и сирот не было, и до тех, кто с ними работал, тоже. Нам позволяли делать то, что мы делали, никто не мешал, не помогал, не интересовался. В этом было много свободы, но и возможности полагаться только на себя. Мы не ставили перед собой задач влияния на работу учреждений, персонал, мы просто были благодарны, что нам дают возможности работать по-своему. Мы конечно видели много странных и неприятных вещей в интернатах: персонала очень мало, он униженный и раздражённый, необученный, неподобающее обращение с детьми. И часто это было не по злomu умыслу, а по незнанию, раздражённости, перегрузке. Мы молчали, потому что если бы что-то сказали, и завтра бы нас там не было, и точка.

Спустя годы, вот уже 3-4 года, государство стало довольно активно вмешиваться в нашу деятельность, пытаться её регулировать. В тоже время, нам предоставляются возможности высказываться и делать свои предложения. Мы представлены в рабочей группе Комитета по социальной политике, которая реформирует систему помощи детям, лишённым родительского попечения, детям-инвалидам, в общественном совете Павла Астахова, в Координационном совете при Общественной Палате Российской Федерации, в Экспертном совете при вице-премьере. Но при этом очень трудно понять, насколько трата времени в этих совещательных органах полезна. Мы подаем свои предложения, делимся своими мыслями, аргументами, опытом европейского законодательства и практики. Но хотя всё выслушивается, до конкретных решений редко доходит. Но это только ситуация последних полутора лет всего, поэтому ещё увидим, дойдёт до решений, или это просто дискуссионный клуб.

То есть, Вы видите, что волонтерство, благотворительность развивается в России?

Конечно, развивается, особенно если говорить об участии бизнеса в благотворительности в России. Мы начинали как организация, на 100% финансируемая из Германии. Сейчас, когда объёмы финансирования выросли на порядки, половину средств мы получаем от российских частных лиц и бизнес-организаций. Об этом и помыслить нельзя было несколько лет назад. Маргарета 6 лет назад мне сказала: «а давай мы поставим цель собрать 15% бюджета из российских источников». Я ей сказала: «Маргарета, ты с ума сошла, это нереально. Совершенно». Но мы собрали эти 15%, сейчас уже собираем 50%. И это при том, что абсолютные цифры растут. Сейчас всё больше и больше внимания и интереса со стороны благотворителей. Про волонтеров я вообще не говорю, потому что когда мы начинали, никто не понимал, что это такое. Сейчас десятки, десятки молодых людей, сотни, не только из Германии, но и из России. Но в Германии это традиция, хотя всё равно удивительно, что немецкие ребята приезжают работать в такой тяжёлой сфере в интернатах, с людьми с тяжелой инвалидностью. Но сейчас и российских волонтеров становится больше – и это поразительно, интересно.

Кто может быть волонтером, каждый, от мала до велика?

Да. Мы не ставим никаких ограничений ни по возрасту, ни по полу, ни по вероисповеданию, если они не активно действующие сектанты, которые намерены проповедовать. С такими людьми мы стараемся себя не связывать. А все остальные могут, никаких ограничений нет. Но у нас в основном молодёжь: студенты вечерних, заочных отделений, недавние выпускники вузов, которые начали работать как юристы, финансисты, режиссёры, но вдруг почувствовали, что что-то они не то делают в жизни. Тогда они приходят к нам волонтерами на целый год, оставив всё. У нас есть программа «Волонтерский год», в которой около 40 человек: порядка 20 иностранных и 20 российских. Они целый год полностью отдают этой деятельности, работают 40 часов в неделю. Каждый год состав полностью меняется.

А нет ли сейчас трудностей с иностранными волонтерами как иностранными агентами?

На иностранных волонтерах это не сказывается никак, на них сказывается визовый режим. Это ужасно, что мы не можем сделать им годовую визу. Мы каждые три месяца вынуждены их вывозить за границу и ввозить обратно. Это дикость. Я очень надеюсь, что это изменится.

По поводу иностранных агентов законодательство так сформулировано, что понять, кто есть иностранный агент, невозможно. Мы по этому поводу писали обращение в Минюст. Мы разъяснили свои правозащитные задачи, как мы стараемся влиять на государственную политику, как мы получаем деньги из иностранных источников. Но в законе сказано, что агент – это тот, кто старается повлиять на государственную политику в целях её изменения. Мы не собираемся изменять политику, мы наоборот работаем для реализации Конвенции по правам инвалидов, подписанной и ратифицированной недавно, для реализации национальных стратегий в интересах детей и т.д. Все декларации России позитивные, никто не собирается их менять, мы наоборот хотим, чтобы они реализовывались и входили в практику. Мы написали об этом в Минюст, теперь ждём ответа.

Лично на Вас как повлияла работа в этой организации, сначала немецкой, потом российской?

Многообразно. Я не уверена, что я вообще приняла бы на себя ответственность за то, что происходит с нашими нуждающимися в помощи гражданами, если бы не немецкое влияние. Это интересная базовая вещь, которая важна в государстве, где поколения вырастали с ощущением бессилия, того, что изменить ничего нельзя. Можно как человек человеку помочь соседу, старушке, бомжу. Но никому как человеку в голову никогда не приходило, что можно вывести это на организационную основу, регулярность, масштаб, упорядоченность и на принятие ответственности за решение социальных проблем. Это для нас непривычный подход. Когда, например, говорят, что российские граждане жестоки, что им наплевать на нужды ближнего, я категорически не согласна. Я знаю, что почти каждый гражданин Российской Федерации кому-нибудь помогает. Только поэтому у нас все пенсионеры не умерли с голоду до сих пор. Но все как правило помогают своим родственникам, каждый тащит на себе группку родственников всевозможных, он является собесом. Любой профессионально работающий человек помогает своим родителям, потому что пенсия не позволяет выжить. Каждый осуществляет много социальных функций. Но идея сделать это упорядоченным, предсказуемым, регулярным не характерна для нашего поколения. Молодёжь немножко другая, молодые ребята уже по-другому понимают ответственность за происходящее вокруг. Конечно, не все, но достаточно много молодых людей ощущают свою ответственность, а в моём поколении мы были жертвами, которые только на персональном уровне могли на себя что-то брать.

И как Вы оцениваете немецкую перспективу в «Перспективах»?

Безусловно, никакие «Перспективы» не могли бы состояться без немецкого влияния, я абсолютно уверена. И никогда мы бы не приобрели такой стабильности, мощи, если бы мы не закладывали основы социальной и управленческой культуры немецкой организации. Я уверена, что это было очень большое и позитивное влияние.

«Мемориал», Германия – Санкт-Петербург

Ута Герлант*

«Многие хотели что-то изменить, создать свою страну, многие занимались общественной деятельностью. Мы были сильным впечатлены тем, что жизнь была такой тяжёлой и интересной одновременно».

В России я впервые была весной 1991 года. Я приехала как волонтер от добровольческой акции «Знак искупления» в благотворительное общество «Мемориал». Мы с коллегой должны были выяснить, можно ли полагаться на «Мемориал» как на надёжного партнёра. Мы были тогда студентками, взяли академический отпуск и отправились на поезде в Ленинград. С собой мы взяли продукты, тогда ещё многое выдавали только по карточкам. Жили мы в общежитии, и там же работал «Мемориал». Поскольку он ещё только создавал службу работы с пожилыми людьми. Потому нас направили в госпиталь ветеранов Великой Отечественной войны. У нас были высокие амбиции, мы хотели работать в самых тяжёлых отделениях госпиталя – и пошли в хирургическое, где каждый день проводились ампутации. Там мы работали с ветеранами Второй мировой войны и других войн, например, Афганской.

Тогда тоже не всем в госпитале можно было сразу объяснить, почему стали там работать, зачем приехали. Нас часто спрашивали, почему мы не работаем в Германию, там платят намного больше денег. На это мы рассказывали, зачем в 1958 году была создана Акция «Знак искупления»

- чтобы не забыть и искупить зло, которое Германия причинила во время войны, что для нас важно укреплять связь между нашими народами. И я думаю, большинство пациентов это поняло. Я помню одну женщину, которая участвовала во взятии Берлина. Она подошла к нам, обняла и сказала: «Как хорошо, что вы здесь!». Это оставило глубокий след в моём сердце. Такие волнующие события происходили и не на работе. Так, мы были на дне рождения одного ребёнка, и его мама спросила нас: «Ой, вы из Германии приехали?» и рассказала о своём родственнике, о том, что он пережил во время Второй мировой войны. А потом мы просто продолжили праздновать. Эти воспоминания были просто частью нашей общей памяти. И мы никогда не сталкивались с враждебным отношением к нам.

Что Вы изучали в университете?

Я изучала историю Восточной Европы, которую выбрала, потому что выросла в ГДР. Недавно один француз сказал мне: «Ах, Вы выросли в Советской Германии!». Да, это так. Потому я и интересовалась Советским Союзом. Многие в ГДР мне казались смешным, прямо абсурдным. А в ГДР многое было перенято от Советского Союза, и я хотела узнать, что было нашим изобретением, а что мы переняли, как это выглядело изначально. Конечно, в конце 1980-х – начале 1990-х годов ещё было воодушевление Горбачёвым. Хотя в ГДР всё внезапно перевернулось, в СССР этот процесс шёл постепенно, а мы были захвачены этими переменами. Но меня больше интересовал быт людей, и в «Мемориале» мне была дана возможность изучить его. Я многое узнала от пожилых людей – бывших узников ГУЛАГа и немецких концлагерей, бывших каторжников и блокадников, переживших много горя. Я изучала историю по рассказам очевидцев. И Ленинград был в этом отношении особенным местом.

Почему Вы вступили в Акцию «Знак искупления»?

Это долгая история. Моя старшая сестра была в «Знаке искупления» уже с 1970-х годов. В ГДР, в отличие от Запада, у нас не было ни длительных стажировок, ни добровольного года. Мы работали в летних лагерях: помогали восстанавливать разрушенные церкви, стремились показать людям в странах, пострадавших от нападения Германии, что нас волнует это, что мы сожалеем о том, что сделали наши предки, наши родственники. Основатели организации сами принадлежат к поколению, пережившему ужасы Второй мировой войны, и хотели обратить внимание на эти события. В моей семье тоже была жива память о войне. В «Знак искупления» я пришла в 1982 году просто потому, что моя старшая сестра была там и мне это понравилось. Нас также привлекало, что в эти серые будни ГДР мы нашли нишу, где встретили хороших людей с общим желанием, которые делали что-то вместе и радовались этому. Я участвовала во многих летних лагерях и нашла друзей, с которыми мы до сих пор дружим. Это очень обогатило мою жизнь, оставило в ней большой отпечаток. Поэтому логично было использовать представившуюся спустя несколько лет возможность поехать на добровольческую службу в Россию. Поскольку я изучала историю Восточной Европы, ко мне лично обратились с предложением съездить и узнать о деятельности «Мемориала». Вернулась я в полном восторге, а «Мемориал» и «Знак искупления» по сей день сотрудничают в Санкт-Петербурге, Москве и Перми.

* Интервьюер: Мария Скаттоне. 7 февраля 2013 года, Берлин.

А потом Вы работали в немецком представительстве «Мемориала» в Берлине?

Нет, в то время его ещё не было. В Германию мы вернулись летом 1991 года, незадолго до путча. Мы уже не были свидетелями тех событий. По возвращении у меня остались очень хорошие впечатления о «Мемориале», и я многим советовала с ним сотрудничать, не только «Знаку искупления». Мы организовали в Берлине благотворительные концерты для уцелевших узников ГУЛАГа. Первое время мы справлялись сами, но потом стали замечать, что нам нужен счёт для перечислений, нужна организация. В феврале 1993 года, ровно 20 лет назад, в Берлине было создано Общество содействия Санкт-Петербуржскому «Мемориалу». Позднее, после установления контактов с другими отделениями «Мемориала», общество было переименовано в «Мемориал Германия». Это самостоятельная организация с членством в Международном обществе «Мемориал». У нас есть также представители в международном Правлении «Мемориала» в Москве.

Другие наши товарищи знали о «Мемориале» из разных источников: кто-то тоже от «Знака искупления», кто-то от Евангелической академии, кто-то был в Петербурге на языковых курсах и оттуда узнал про «Мемориал», потому что он сотрудничал с языковой школой в Берлине. Я даже встретила старых знакомых из Потсдама, которые тоже занимались общественной деятельностью в России. Когда мы создали организацию, я 10 лет была членом правления на общественных началах.

В «Мемориале» меня поразило своего рода трезвучие: борьба за обновление истории, поддержка прошедших советские тюрьмы и концлагеря и защита прав человека в современном обществе. В то время в Германии такого ещё не было. Существовали либо исторические мастерские, либо помощь пострадавшим, либо защита прав человека. Но чтобы всё было вместе в одной организации – такого примера я не знала, и это очень воодушевляло меня. Наряду с этим, я работаю также в фонде «Память, ответственность, будущее». Работа этого фонда осуществляется во всех трёх направлениях, но создан он был только в 2000 году. В общем «Мемориал» действительно задавал тон в Европе.

Вы часто бывали в России в 1990-е годы? Что произвело на Вас особое впечатление?

В России я была скорее наездами, не так часто. В Германии у меня была учёба, организация и проекты, которые мы поддерживали. В начале это были благотворительные концерты, которые мы организовываем до сих пор и на которые ежегодно из Санкт-Петербурга приезжают молодые музыканты, ансамбль камерной музыки «Мемориал Санкт-Петербург». Они играют в церковных приходах Берлина, где мы не платим за аренду, а прихожане наслаждаются музыкой и делают пожертвования для «Мемориала».

В середине 1990-х мы занялись ещё одним историческим проектом. После вывода советских войск из Германии в 1994 году выяснилось, что в Потсдаме был военный городок, где располагалась штаб-квартира КГБ. Эту территорию вернули прежнему владельцу. Там стоял бывший дом пастора, который КГБ использовал как тюрьму. К «Мемориалу» обратились с вопросом, что можно сделать с этим зданием. В 1997 году мы вместе с коллегами из «Мемориала Санкт-Петербург» сделали там первую выставку. Выставлялись правда, скорее стенгазеты, но посмотреть пришло много людей. Мы организовали круглый стол с бывшими заключёнными, которых нам удалось найти, с жителями Потсдама, на котором обсудили, что бы они хотели сделать с этим местом. Было важно приобщить

к судьбе этого проекта людей, которых это касалось, и которые жили там. Мы решили сохранить дом в том же виде, как он был в дни советской оккупации, без реставрации. Люди должны понимать, что там была тюрьма и что о ней помнят. С 1997 года к нам начали обращаться бывшие заключённые, немцы, которые сидели там в 1940-е - ранние 1950-е годы. Позднее в этой тюрьме сидели советские солдаты, граждане, которые тоже потом обращались к нам. Мы провели систематическое исследование вместе с российскими коллегами, и выпустили первую книгу «От Потсдама до Воркуты» («Von Potsdam nach Workuta»). В 2000 году на основе этого исследования мы сделали профессиональную выставку, которая была в этом доме до 2006 года, а сейчас в интернете на www.von-potsdam-nach-workuta.de. Там есть и общие вопросы, и жизни бывших заключённых. Недавно нам написала одна женщина, которая была поражена, когда нашла там биографию своей бабушки. Кстати, сейчас этот дом обладает статусом государственного музея и мемориала. Мы добились этого.

Вы сказали, что Вас как немку воспринимали в России очень хорошо. А был ли у Вас какой-то негативный опыт?

Конечно, случалось всякое. Нам было очень сложно в быту, как и людям вокруг. Карточная система была для нас совершенно новой. Но наши коллеги и «Мемориал» очень помогали. Конечно, мы не бедствовали, но не могли представить себе, что бы делали, если бы у нас была семья, которую надо обеспечивать. Но в то же время мы были свидетелями тех тревожных дней 1991 года. Появились уличная музыка и уличный театр; надежды, мечты, творчество начали выражаться публично. На улице нас пригласили в один детский театр, в котором было вложено столько неведомой для нас тогда фантазии. Многие хотели что-то изменить, создать свою страну, многие занимались общественной деятельностью. Мы были сильно впечатлены тем, что жизнь была такой тяжёлой и интересной одновременно. С нами знакомились молодёжь, чтобы что-то вместе организовать. Пожилые люди чаще всего нас понимали, хотя не все. Мы редко сталкивались с этим, но в госпитале было много пациентов, сражавшихся на фронте, и мы думали, что будем чаще сталкиваться с их негативным отношением, чем это оказалось на самом деле. Нас удивляло, что нас не встречали с ненавистью после всех преступлений немцев перед Советским Союзом. Многие были рады, что мы интересовались Россией, что были рядом. Они понимали, что мы приехали не как туристы только посмотреть достопримечательности, а делить их будни и интересоваться ими. Тогда к этому относились с чувством огромной благодарности, потому что это было редкостью. Журналисты даже брали у нас интервью: «Почему Вы приехали на добровольческую службу в Россию?». Сегодня на волонтеров уже не смотрят с тем энтузиазмом. Мы были своего рода пионерами, и, может быть, именно поэтому нас так сердечно принимали.

Как добровольческая служба повлияла на Вашу дальнейшую жизнь?

Очень, очень сильно. Иногда мне кажется, что я получила намного больше, чем могла дать. Я выучила язык, узнала Россию, познакомилась со многими невероятно чудесными людьми. Я действительно узнала общество, о котором у меня не было ясных представлений, и многое стало для меня неожиданным. Это делает взрослее, от этого все выигрывают.

Кто финансировал проживание в России в 1990-е годы?

Для долгосрочную службы на год волонтеры могут найти поддержку в Германии. «Знак искупления» как одна

из таких служб получает государственную поддержку, частные пожертвования. Но я ездила и за свой счёт по России - доехала до Иркутска, но это была туристическая поездка. Потом я ездила туда как гид. От «Мемориала» я была в Перми и Медвежьегорске, местах массового террора. С активистами «Мемориала», оставшимися в живых узниками и жертвами было безумно интересно ехать в поезде, участвовать в церемониях и чествовании памяти погибших. Было интересно слушать, как подбирали слова для невыразимого, говорили о том ужасе, что испытали многие семьи.

Вы рассказали свою историю. А если говорить в общем, то как Вы думаете, почему немцы едут в Россию и другие страны?

Когда мы в «Знаке искупления» задаем сейчас этот вопрос молодым волонтерам, некоторые коротко и ясно отвечают: «Я хочу выучить язык» или «Я хочу пожить год за границей. Когда я учился в школе, я не ездил за границу». Или «Я уже был в одной стране, а теперь хочу в другую». Сегодня много молодых людей, у которых и альтруистические, и эгоистические мотивы. И говорят они об этом совершенно открыто. Если они погружены в повседневную жизнь, в волонтерскую работу, то конечно они хотят что-то сделать, и в результате, молодёжь после года возвращается невероятно повзрослевшей. Они анализируют свою деятельность и могут осознанно рассказать, что дал им этот год, что их изменило, чему они научились в другой стране, будь то Франция или Беларусь. Они рассказывают, как им удавалось построить взаимоотношения с людьми, что они открыли в самих себе. У нас, немцев, часто возникают проблемы с национальной идентичностью, и за границей мы прорабатываем это вопрос.

Часто, однако, именно личные интересы толкают на волонтерство, например, семейные: предки жили на территории сегодняшней Польши, и третье поколение заинтересовалось своей историей. Или родители могут быть связаны с какой-то страной, и дети перенимают этот интерес. На это есть множество причин.

Есть и сейчас люди, которые берутся за тяжёлую работу, как Вы тогда в госпитале?

Да. Например, в приюте для душевнобольных детей в Беларуси. Это непростая работа. Работают там, прежде всего, высоко мотивированные молодые люди, которые хотят полностью отдаться работе, иногда даже слишком, по мнению местных работников. Молодые люди думают, что знают, что надо делать. И это, конечно, может и напрягать, поскольку молодые идеалистичны, и если они с чем-то не согласны, то они хотят тут же всё поменять. Иногда они просто ещё не научились делать промежуточный шаг, обсуждать с другими и понимать, почему кто-то делает так. Им надо набраться терпения и уважать работу сотрудников с многолетним опытом. Каждому поколению волонтеров приходится учиться заново, искать компромисс. И это заставляет их взростеть.

Многие в итоге сделали то же, что мы с «Мемориалом» - то есть, создали свои организации, нашли партнёров. Они хотят помогать и осознают, что такое сотрудничество. Мы не чувствуем себя альтруистами, потому что получаем большую отдачу, очень многому учимся. Иногда нас самих начинают раздражать собственные взгляды, и так и должно быть, это обогащает нас, это взаимообмен. И не должно быть так, что люди приезжают с Запада и указывают, как надо делать. Во время работы в госпитале иногда возникало такое ощущение, что люди думали, что мы хотим указывать, как надо работать. Мы этого не хотели.

Ещё один общий вопрос: отличаются ли молодые люди, ездившие в 1990-е годы, от тех, кто едет сейчас?

Да, я родилась через 20 лет после окончания войны. И этим я уже сильно отличаюсь от современной молодёжи, новое поколение отдалено от Второй мировой войны, и потому для них это менее важно. Но я думаю, что это нормально, и если они проявляют интерес, это уже хорошо. Ведь каждое поколение должно занять свою позицию в свое время.

Как Вы думаете, как можно сделать общественную работу в России привлекательнее?

В Перми есть хороший пример. Там существует молодёжная организация «Мемориал», очень современная, современнее многих организаций в Германии, потому что задумывается о том, что хочет молодёжь, что ей интересно. Молодые же всегда хотят веселья. Поэтому молодёжный «Мемориал» в Перми предлагает программы, где не только целыми днями говорят о печальных вещах, а получают удовольствие, занимаясь совсем не весёлыми вопросами.

Еще нельзя недооценивать значимость таких мотиваций, как знакомства с хорошими людьми, следования своим идеалам, полезности своего времени и работы. Люди хотят не только ходить за покупками, но и наполнить свою жизнь смыслом. Одни понимают это раньше, другие позже, некоторые и вовсе никогда... Но именно молодые люди по своей натуре идеалисты, и если им предлагают участвовать в чём-то и быть частью этого, они с удовольствием соглашаются. Я думаю, проблема в том, что таких предложений мало. А потом появляются мысли о карьере, и люди думают: «Если это мне ничего не даст, я не буду этим заниматься». Но я могу заверить, что это в любом случае приносит много в личном и профессиональном плане, социальные компетенции приобретаются на практике, а не за компьютером или в магазинах. Я глубоко убеждена, что всё, что ты отдаёшь, во много раз больше вернётся.

А что Вы думаете о сегодняшней общественной и политической ситуации в России?

В начале 1990-х годов было так много надежд, доброжелательности, а сейчас в России многое изменилось. Очень жаль, я думаю, что многие инициативы задушены. Но сейчас растёт гражданское самосознание. Люди говорят: «Мы больше не хотим, чтобы с нами нянчились, мы не маленькие дети». Выходя на улицы, они показывают, кто они и что они думают. Вероятно, уже не с той надеждой, что в 1990-е. Это подавляется, новые унижительные законы препятствуют развитию гражданской инициативы. Я думаю, что за этими новыми законами и мерами скрывается намерение, направленное против всякой активности, и для того чтобы вселить неуверенность в массы. Тех, кто и так борется за что-то, вряд ли можно сбить с пути, но это можно сделать с его окружением, необходимым для поддержки. Гражданская деятельность лишается почвы под ногами. Это чрезвычайно опасно. Это угрожает не только гражданской инициативе, но и всему обществу, ведь гражданская инициатива существует не сама по себе, а для общества, которое, в свою очередь, живёт благодаря ней. Неверно думать, что всё будет хорошо, если всё будет управляться сверху. Демократическая идея исходит из противоположной посылки о множестве точек зрения, перспектив, необходимых для баланса и развития общества. Чёткие и простые ответы сверху должны всегда заставлять нас насторожиться. Из истории мы знаем, что это не длится вечно, но некоторое время существует за счёт народа.

Андерс Лундгрэн*

«Мы хотим узнать мир. Это, конечно, поиски себя... Начинать что-то менять надо с себя, а это в свою очередь будет менять и всё остальное».

Почему Вы впервые поехали в Россию, что Вас подтолкнуло к этому?

На это не было какой-то особой причины. В 11 классе я поехал по обмену в США. В то время, в 1993-1994 годах, такие обмены были очень распространены в Западной Германии. По возвращении мне оставались ещё 2 года в школе, и через год я решил, что снова хочу поехать за границу, но уже в другом направлении, причем как географически, так и исторически и политически. Запад я уже видел, теперь мне хотелось посмотреть Восточную Европу. Я подал заявки в разные организации, среди которых была добровольческая акция «Знак искупления». Вообще-то я хотел ехать в Польшу или Чехию, и уже это было для меня серьёзным шагом, поскольку я вырос в период Холодной войны. Когда мы ехали в Голландию, Францию или США, мы оставались в своем культурном пространстве, а мне хотелось узнать постсоветское, постсоциалистическое, восточноевропейское культурное пространство. Но в «Знаке искупления» было слишком много желающих, и были места только в Россию. И только когда мне это предложили, а впервые подумал о России. И хотя я хотел узнать другую часть Европы, попасть на Восток, я не думал, что меня занесет так далеко на Восток.

* Интервьюер: Елена Белокурова. 28 января 2013 года, Берлин. Перевод с немецкого: Анастасия Маргер.

Я родился и вырос в Кёльне, а мой отец вырос в Берлине в ГДР, где у него остались родственники. Я тоже общался с ними по ту сторону так называемой «немецко-немецкой» границы между Востоком и Западом. Это наложило на меня свой отпечаток: у меня уже было какое-то представление о социализме, и я мог как-то сосуществовать в социалистической действительности. И, конечно, в Санкт-Петербурге в 1996-1998 года было очень интересно, я, можно сказать, познакомился с постсоциалистическим культурным пространством.

Чем Вы там занимались?

Я работал в «Мемориале», партнёрской организации акции «Знак искупления», в социальной сфере. «Мемориал» работает во многих российских городах, занимается историко-просветительской и общественной деятельностью. Я ухаживал за пожилыми людьми, помогал им, ходил в магазин, убирался, и самое главное – проводил с ними время. Они все были жертвами сталинских репрессий, и у них, как правило, не было родственников, которые помогали бы им.

Что Вы тогда чувствовали, когда работали в этой сфере, как немец?

Я понимал, как трудно было моим российским ровесникам в той ситуации просто жить, выживать материально. И потому было понятно, что им не приходило в голову, они не могли позволить себе такую роскошь – добровольно помогать другим людям. У меня была стипендия, но всё равно без помощи родителей я не смог бы там жить и работать. А так, я мог удовлетворять свои интересы, помогать людям, набирать опыт работы в социальной сфере. Мне было очень интересно. В 1990-е годы в Германии ещё нужно было служить в армии, и я в качестве альтернативной службы работал в России. Мужчины в России тоже должны были служить, и у них не было альтернативной службы, у них была другая ситуация. И потому я не думал, что я помогаю другим, а россияне не хотят это делать.

Как люди, которым Вы помогли, реагировали на то, что Вы из Германии?

На самом деле, это не имело большого значения, по крайней мере, мне так казалось.

В это время Вы говорили по-русски?

Да, но начал изучать его только там, и уже через полгода примерно моего русского языка стало хватать для понимания воспоминаний людей об их молодости, об их жизни. В свободное время я много читал, самостоятельно занимался грамматикой. Мне очень нравилось, что помимо работы я мог изучать другой язык, общество, мировоззрение.

А как в Германии восприняли то, что Вы поехали в Россию?

Помню, мой классный руководитель очень скептически отнёсся к моему решению: «Зачем Вам в Россию, ничего хорошего с ней не получится!» Но в целом это было воспринято положительно, многие одобряли поездку за границу вместо службы в армии. При этом все считали, что Россия важный партнёр Германии, и с ней нужно сотрудничать.

А в целом - много молодых людей уезжало из Германии за границу? У меня такое впечатление, что почти все немцы уезжали куда-то на год-два?

Мы хотим узнать мир. Это, конечно, поиски себя. Я не знаю, как это сейчас, но мне кажется, что сейчас ещё больше государственных программ - при МИДе есть, например, программа поддержки волонтерской службы по

всему миру. Раньше можно было выбрать альтернативную гражданскую службу в качестве замены военной службе. И поскольку многие из моего поколения уже к тому времени бывали за границей, им хотелось поехать снова, потому что это было интересно. Но в действительности ехали немногие, 300-500 человек в год, думаю. С финансированием было трудно, каждому надо было дать денег на карманные расходы и оплатить жильё. Я помню, что у меня было 150-200 марок карманных денег, а цены в 1996 году были достаточно высокими. Приходилось трудно, но это не снижало интереса.

Какое значение эта работа в России имело для Вашей дальнейшей жизни и карьеры? Сейчас Вы работаете в МИДе Германии, верно?

Да, и Вы знаете, что в МИДе Германии мы не специалисты по какой-то определенной стране, а скорее универсалы, готовые работать в любой стране. Но когда я сдавал вступительный экзамен, вместо французского языка я сдавал английский и русский, и это помогло мне получить место. Сейчас знание русского в моей работе не очень нужно, но летом меня переводят в Киргизию, и там рабочим языком будет в основном русский. Там мой волонтерский опыт в России обязательно пригодится. В целом, мой интерес к миру, поездки в США, потом в Россию, Восточную Азию, Японию, Китай сыграли в моей жизни невероятно важную роль. Благодаря этому я получил бесценный социальный опыт, заинтересовался экономикой и пошел изучать её в Университет Кёльна. Я был настолько потрясен экономическими трудностями в России, что решил изучать что-то практическое, а не гуманитарное. Я выбрал самую консервативную дисциплину – экономическую науку. Оглядываясь назад, я осознаю, что эта дисциплина стала отличной основой для моих увлечений разными странами мира.

Как Вы думаете, есть ли у сегодняшней молодежи другой стимул поехать в Россию?

Я не знаю. В последние годы я не общался с волонтерами, поэтому мне трудно судить об этом, не с чем сравнить.

Но когда Вы смотрите на молодежь в Германии, не думаете ли Вы, что она стала более прагматичной и хочет чего-то другого?

Я думаю, что уже мое поколение достаточно прагматично. Поколение 1950-х годов в Германии находилось в идеологическом конфликте со своими родителями из-за «вопроса немецкой вины». Из этого конфликта выросло студенческое движение 1968-го года с его идеалистическими представлениями о мире. Я считаю, что наше мировоззрение стало прагматичным, начиная с моего поколения, которое принимает мир таким, какой он есть, думая, какие маленькие шаги можно предпринять, чтобы его улучшить. Но очень важно, когда есть осознание того, что нужно что-то менять. В России людям кажется, что они не могут и не должны ничего менять.

Мне кажется, что основной принцип, по которому живет и мое поколение, состоит в том, что начинать что-то менять надо с себя, а это в свою очередь будет менять и всё остальное, а не наоборот. Но многие идеалистические движения, напротив, начинали с глобальных планов и пытались радикально изменить окружающий мир. И российская молодежь, возможно, просто следует той же тенденции, которую раньше прошла Германия.

Вы и теперь приезжаете в Санкт-Петербург?

Да, раз в год, или каждые два года, но ненадолго. Когда я работал в Китае, это было нелегко. В Петербурге у меня

остались друзья, и после того, как я уехал в 1998 году, я часто приезжал в Петербург, в отличие от Америки, куда я снова приехал только через 15 лет, в прошлом году. С Россией у меня сохранилась более тесная связь.

А Вы следите за тем, что сегодня происходит в России?

Только поверхностно, потому что я и так загружен политической работой. Сейчас я занимаюсь проблемами Северной Кореи, мне нужно обрабатывать огромное количество информации, и потому в свободное время я предпочитаю заняться чем-нибудь другим. О российской политике я больше читаю в романах Сорокина. Но то, что в России происходит, мне не безразлично. Прошлым летом, когда я был в Петербурге, я спрашивал своих друзей: «Что вы думаете, что будет дальше?» Одна знакомая сказала, что подумывает уже уехать из России. Другие тоже задаются вопросом, что будет со свободой личности, свободой общества. Я понимаю, что на общее восприятие влияет множество различных мнений, несбывшихся надежд. Но поскольку я сам какое-то время прожил в России, я смотрю на происходящее там не только с точки зрения немца, хотя мои убеждения и ценности, которые сформировались в Германии, очень важны для меня. Но я пытаюсь отойти от поверхностных суждений и смотрю, что думают мои друзья в России, как живут там люди, и не ограничиваюсь информацией из немецкой прессы.

